

О ПОЛИКОДОВОМ ХАРАКТЕРЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

© 2013 А.Н.Попова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 07.12.2012

В статье рассматривается феномен семиотической неоднородности естественного языка, его расслоение на ряд кодов, выделяемых по разным основаниям и выполняющих разные функции в процессе речевого общения. Исследование проведено на английском языковом материале.

Ключевые слова: код, подязык, гетерогенность, коннотация, внутренняя форма.

В современных трудах по семиологии и лингвистике провозглашается идея «полиглотизма» этнокультуры и ее центральной части – вербального этноязыка. «Полиглотизм» (<греч. *polys* «многочисленный» + *glossa* «язык») при этом понимается как семиотическая неоднородность знаковой системы, ее составной характер, тот факт, что она состоит из ряда структурно и функционально гетерогенных подсистем, находящихся во взаимосвязи и обслуживающих разные денотативные области.

«Самоопределение семиотики культуры связано с постановкой вопроса о функциональной взаимообусловленности существования ... семиотических подсистем, их структурной асимметрии ... семиотические системы складываются в структурное целое благодаря взаимной неоднородности. Отдельные знаковые системы, хотя и представляют собой имманентно организованные структуры, функционируют лишь в единстве, опираясь друг на друга»¹. Согласно положению Тартуско-московской семиотической школы, сложное знаковое образование – такое, как этнокультура, социум, личность – функционирует в форме перекодирования информации с одних составляющих ее языков на другие. На наш взгляд, вышеприведенный тезис можно отнести и к этноязыку, рассматриваемому с позиций теории знаков. Этноязык с этих позиций тоже предстает как семиотическая система, распадающаяся на ряд функциональных подсистем (подязыков). Пространство вербального языка многомерно, оно структурируется по-разному в зависимости от принимаемого во внимание структурно-функционального аспекта.

Во-первых, язык делится на варианты, территориальные и социальные диалекты, говоры и наречия в зависимости от контингента его носителей или, в терминологии М.Халлидея, «according to the user»². Во-вторых, стратификация естественного языка осуществляется по признаку социокультурных условий его использования или, по М.Халлидею, «according to the use»³. По этому признаку язык подразделяется на так называемые коммуникативные регистры. В-третьих, по прагматическому признаку язык членится на нормативно- и функционально-стилистические подсистемы. В-четвертых, по Л.Ельмслеву, лингвистический универсум делится на систему (схему) языка, норму, узус и речевые акты⁴. Наконец, в-пятых, существует разделение языка на общеупотребительную и специализированные (профессиональные) страты, которые служат вербальным обеспечением предметных областей, выходящих за рамки обыденного (так называемого наивного) сознания. Именно благодаря высокой сложности языковой структуры и многомерности лингвистического пространства становится возможным информационное обслуживание столь высоко-развитых форм коллективного существования и развития вида *Homo sapiens*, как культура и социум. «Сложность системы и сложность передаваемой ею информации, – отметил по этому поводу В.С.Баевский, – находятся в положительной корреляции»⁵.

В процессе вербальной коммуникации продуцент речи осуществляет выбор той или иной подсистемы средств языкового выражения мыс-

⁰ Попова Александра Николаевна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков.

E-mail: honey_17.09.88@mail.ru

¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: 1970. – С.8 – 9.

² Halliday M. Language as Social Semiotic. – London: 1978. – С.23.

³ Там же. – С.23.

⁴ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. – М.: 1960. – С. 264 – 389.

⁵ Азудова В.В. Соотношение категорий «форма» и «структура». – М.: 1977– С. 62 – 70.

ли, исходя из социо семиотических и культурных условий протекания акта общения, а также из собственно коммуникативных намерений. Поскольку, как уже отмечалось, план выражения языка неоднороден, одно и то же объективное содержание может быть выражено несколькими альтернативными способами в зависимости от выбора говорящего / пишущего. При этом сам выбор становится прагматически значимым, приобретает смысл, но смысл уже иного, более высокого семиотического уровня. Структура языкового знака усложняется: над ней надстраивается новый семиотический ярус; когда это явление возникает в массовом масштабе, тем самым создается новая языковая подсистема, которую Л.Ельмслев назвал коннотативной семиотикой⁶.

Когда говорят о коннотативном компоненте семантики языковой единицы, обычно имеют в виду комплекс нормативно-стилистических, экспрессивных, эмотивно-оценочных сем. Однако К.А.Долинин, на наш взгляд, верно отметил, что «в общесемиотическом плане возникновение стилистического значения есть лишь частный случай явления коннотации»⁷. В широком смысле в качестве коннотации (< лат. *con-notare* букв. «со-означать») может выступать не только стилистическое, но и «дальнейшее» концептуальное содержание, надстроенное над исходным (в терминологии А.А.Потебни⁸ – «ближайшим»). В упомянутом смысле созначением знака можно назвать «всякое коннотативное означаемое, чьим означающим выступает данный знак как единство денотативного означающего и денотативного означаемого»⁹.

Планом выражения осложненного знака является весь знак в его прямом значении. Из таких семиотически осложненных единиц состоят те подязыки, которые в трудах представителей глоссематики называются коннотативными семиотиками, а в трудах ученых Тартуско-московской школы – вторичными кодами. К их числу принадлежат образная лексика, фразеология, фразеоматика, паремиология и другие подсистемы образных средств языка, а также, по нашему мнению, подязыки профессиональных областей знания. Это связано с тем, что знаки таких подязыков в качестве

плана выражения имеют знаки первичного кода языка. Они создаются на базе «первичных» знаков путем надстраивания дополнительного смыслового пласта либо путем соединения «первичных» знаков (морфем, лексем) по словообразовательным и фразеобразовательным моделям с приращением смысла. Например, на базе общеупотребительного английского слова *defense* «*resistance against attack*»¹⁰ возник юридический термин *defense* «*a denial, answer, or plea opposing the truth or validity of the plaintiff's case ... done by introduction of testimony or other evidence designed to refute all or part of the allegations in civil or criminal proceedings*»¹¹. Налицо семантическое приращение, превращающее слово обывденного языка во «вторичный знак». Другой пример: из лексических основ *man-* («*human being*») и *-slaughter* («*slaying, massacre*») образован юридический термин *manslaughter* («*an unlawful killing of another person without malice aforethought ... alternative to murder and not liable to death penalty*»). Значение этого термина содержательно богаче и сложнее суммы значений составляющих его лексических основ, что говорит о наличии приращенного смысла, образующего второй семиотический ярус. Из такого рода единиц в основном состоят профессиональные языки. Вот почему мы относим их к числу вторичных кодов наряду с подсистемами образных средств языка. В терминологии Л.Ельмслева это тоже коннотативные семиотики (в широком смысле этого наименования).

В связи со всем вышесказанным представляется необходимым остановиться на определении ряда понятий, входящих в категориальный аппарат нашего исследования. В семантике осложненного знака мы выделяем и разграничиваем реальное и номинальное значения. Реальное значение – это то, в котором знаки фактически употребляются в речи. Номинальное значение – это то, которое складывается из значений его составных частей (морфем, лексем) по стандартным правилам семантической комбинаторики (в традиционной терминологии – «сумма значений частей») либо, если знак грамматически не произведен, его исходное (первичное, прямое) значение. Так, номинальным значением английского юридического термина *navigable waters* является «*waters in which navigation is possible*», а реальным значением – «*wa-*

⁶Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М.: 1960. – С. 368 – 373.

⁷Долинин К.А. Стилистика франц. языка. – Л.: 1978. – С.94.

⁸Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: 1976. – С.614.

⁹Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.... – С. 90.

¹⁰*Collins English Dictionary*. – Glasgow: 1975. – С. 1264.

¹¹*Law Dictionary by S.H.Gifits*. – London: 1996. – С. 561.

ters [which] form (in their ordinary condition by themselves or by uniting with other waters) a continued highway over which commerce is or may be carried on with other states or foreign countries in customary modes in which such commerce is conducted by water». Термин company имеет номинальное значение «number of persons assembled» и реальное значение «combination of individuals' capital, skill and labour for the purpose of business carried on for such individuals' common benefit'. Иногда номинальное значение термина совпадает с реальным значением его прототипа. В других случаях прототип не используется в речи. Например, у термина grandfather clause («provisions allowing persons, engaged in a certain business before the passage of an act regulating that business, to receive a license or prerogative without meeting all the criteria that new entrants into the field would have to fulfil») нет коррелята в обыденной речи, в то время как у термина exchange («barter trade») имеется бытовой коррелят (прототип) exchange («giving/ receiving a thing in place for another»).

Понятие «номинальное значение» близко к понятию «ближайшее значение» (по А.А.Потебне), но не тождественно понятию «внутренняя форма». Рассмотрим сущность внутренней формы знака.

Это понятие вначале использовалось в философии и трактовалось как «строение содержания»¹² или «ядро, суть содержания»¹³. В более новых терминах внутреннюю форму можно определить как структуру концепта, который в рамках когнитивистики понимается как любая единица содержания (понятие логическое, понятие эйдетическое, гештальт и т.д.). Система концептов функционирует в относительной автономии от системы ее языковых десигнаторов. Между первыми и вторыми нет полного взаимно-однозначного соответствия. Иными словами, они состоят в динамической корреляции и структурной асимметрии¹⁴.

Ряд лингвистов¹⁵ трактует внутреннюю форму языкового знака так же, как философы трактуют внутреннюю форму содержания. Так, Т.Н.Саная отмечает: «в динамическом аспекте внутренняя форма рассматривается как способ

организации производного ... значения»¹⁶. Согласно этой точке зрения, внутренняя форма знака – это и есть структура концепта. Однако вышеприведенные и многие другие языковые примеры свидетельствуют об ином. Концепт обладает собственной структурой (семным составом и комплексом межсемных связей), а внутренняя форма его языкового десигнатора лишь моделирует эту структуру. По Ю.М.Лотману, иконический знак (который по определению обладает живой внутренней формой) является моделью собственного содержания, то есть выражаемого им концепта¹⁷. Таким образом, можно заключить, что в плане содержания языковой знак имеет одну форму (то есть структуру концепта), а в плане выражения – другую, которая делится на внутреннюю (носящую семантический характер) и внешнюю (носящую звуковой или графический характер). Такая трактовка соответствует известному положению Ф.де Соссюра о наличии у знака двух форм и двух видов субстанции: на уровне означаемого и на уровне означающего¹⁸.

Тот факт, что ряд лингвистов считает две вышеупомянутые формы одной и той же формой, проистекает, на наш взгляд, из наблюдаемой во многих случаях конгруэнтности этих форм. Если модель изоморфна оригиналу, то она иногда становится неотличима от него. Например, структура юридического понятия «двойное гражданство» изоморфно передается внутренней формой английского термина dual citizenship. Однако это лишь частный случай отношения форм; во многих других случаях они не совсем (или совсем не) совпадают, и тогда становится очевидно, что это две формы. Например, юридический термин kickback имеет внутреннюю форму «a kick made in response to somebody else's kick» и значение «the practice of a seller of goods or services paying the purchasing agent of those goods or services a portion of the purchase price in order to induce the agent to enter into the transaction» (ср. рус.откат). Как видим, имеет место лишь частичное взаимное наложение форм при их частичном несопадении, что говорит об их нетождественности. Если внутренняя форма знака не конгруэнтна

¹²Гегель Г. Сочинения. – М.: 1930. – С.244.

¹³Азудова В.В. Соотношение категорий «форма» и «структура» // Вопросы философии. М.: 1977. – С. 66.

¹⁴Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. – М.: 1965. – С. 264 – 389.

¹⁵Медведева Т.В., Поляков М.Я., Саная Н.Т.

¹⁶Саная Н.Т. Роль ассоциативно-образного этапа в процессе формирования связанных значений слов. – М.: 1990. – С. 124.

¹⁷Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. – М.: 1977. – С.31.

¹⁸Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: 1998. – С.360.

структуре концепта, мы имеем дело с двойным («стереоскопическим») видением объекта номинации (в рамках концептуальной и языковой картин мира).

Вслед за К.А.Долининым¹⁹ и А.И.Новиковым²⁰ мы считаем внутреннюю форму не частью означаемого, а частью означающего, но такой частью, которая моделирует строение означаемого.

Согласно нашей трактовке, внутренняя форма знака – это функциональный аспект его номинального значения, а именно номинальное значение, выступающее в функции мотиватора реального значения, причем не всякого, а данного, отдельно взятого значения. Одно и то же номинальное значение может служить в качестве разных внутренних форм разных значений знака, если в основу мотивировки реальных значений ложатся разные семы номинального значения. Например, термин *drug abuse*, трактуемый в медицинском смысле, означает нанесение вреда собственному здоровью путем приема наркотических препаратов, а трактуемый в юридическом смысле – как незаконное и уголовно наказуемое обращение с ними. В основе мотивировки этих реальных значений лежат разные семы, входящие в номинальное значение данного устойчивого словосочетания. В приведенном примере одно и то же номинальное значение выступает в качестве двух разных внутренних форм двух реальных значений знака. В других случаях два и более реальных значения знака бывают мотивированы одной и той же гранью номинального; в этих случаях знак имеет не только одно номинальное значение, но и одну и ту же внутреннюю форму во всех ЛСВ. Так, оба реальных значения существительного *bondsman* (1. «serf or slave»; 2. «one who is bound to pay money or perform other acts ... [and] is directly liable for the debt») мотивированы одним и тем же буквальным значением лексической основы *bond* – («thing restraining bodily freedom»).

Разновидностью номинального значения является образная основа знака. Л.А.Коралова так определяет понятие лингвистического образа: «созданное средствами языка двуплановое изображение, которое основано на выражении

одного предмета через другой»²¹. Следуя этому определению, можно заключить, что образной основой может считаться номинальное значение лишь такого знака, чье реальное значение является переносным (метафорическим, метонимическим и т.п.). Такие знаки встречаются и в терминологии (в том числе юридической), и особенно в профессиональных жаргонах. Например, *kangaroo court* («a court that disregards human rights, is biased against a party and thus renders an unfair judgment»); *four corners* («the doctrine that requires that a meaning of a document be derived from its entire contents»); *blue chip stock* («the common stock of a company known nationally for the quality and wide acceptance of its products or services»).

Внутренняя форма знака, находясь между его значением и его внешней формой, мотивирует и то, и другое. Она «указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков»²². Она диктует выбор средств выражения для заданного содержания, то есть, в конечном счете, обеспечивает формирование общей структуры языковой единицы. Это приводит к тому, что разноязыковые эквиваленты, имеющие разные внутренние формы, состоят из разных десигнатов, несущих одно и то же содержание. Например, англ. *plaintiff* («Old French *plaindre* «жаловаться») эквивалентно русскому *истец* («искать»), а англ. *defendant* (букв. «защищающийся») эквивалентно русскому *ответчик* («отвечать»). Одно и то же реальное значение мотивировано разными внутренними формами, а потому десигнировано разными лексическими средствами.

В завершение всего изложенного отметим, что этноязык располагает рядом профессионально ориентированных подязыков, надстроенных над общеупотребительным языком и потому относящихся к числу вторичных кодов этноязыка. Их знаки обладают усложненной структурой по сравнению с общезыковыми прототипами и выполняют специфические функции.

¹⁹Долинин К.А. Стилистика франц. языка. – Л.: 1978. – С.94.

²⁰Новиков А.И. Знание в системах общения. – М.: 1989. – С.95.

²¹Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке. – М.: 1975. – С.41.

²²Лингвистический энциклопедический словарь. Внутренняя форма слова. – М.: 1990. – С. 85 – 86.

ON THE POLYCODE NATURE OF NATURAL LANGUAGE

© 2013 A.N.Popova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article is devoted to semiotic heterogeneity of natural language, its stratification into a number of codes performing different functions in verbal communication. The research is based on the English language material.

Key words: code, sublanguage, heterogeneity, connotation, inner form.

---

^o *Popova Aleksandra Nikolayevna, Assistant of the Department of Foreign Languages.
E-mail: honey_17.09.88@mail.ru*